

<https://doi.org/10.3176/lu.2000.3.11>

Ф. С. Б а я з и т о в а, *Этнолингвистические исследования по говорам крещеных татар. Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора филологических наук, Казань 1998. 100 с.*

27 октября 1998 г. на заседании Диссертационного совета Д 184.01.01 в Институте языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан состоялась защита докторской диссертации старшим научным сотрудником Флерой Саидовной Баязитовой в форме научного доклада на тему «Этнолингвистические исследования по говорам крещеных татар». Официальные оппоненты — доктор филологических наук, профессор, академик Российской Академии гуманитарных наук Г. Ф. Сат-

таров (Казань), доктор филологических наук, профессор, член.-корр. АН Республики Татарстан Р. А. Юсупов (Казань) и доктор филологических наук, профессор Л. Ш. Арсланов (Елабуга).

Научный доклад Ф. С. Баязитовой «Этнолингвистические исследования по говорам крещеных татар» посвящен этнолингвистическому изучению небольшой по масштабам многомиллионного татарского народа этнографической группы татар, весьма спорной по своей этногонии и сложной по истории формирования

языковых особенностей. Хотя диалект татар-кряшен стал письменным со второй половины XIX столетия, а в 1960—1970-е годы довольно интенсивно исследовались его говоры, целостное описание важнейших уровней его системы с привлечением территориальных вариантов впервые произведено в трудах Ф. С. Баязитовой. Письменное воплощение темы «Этнолингвистические исследования по говорам крещеных татар» в виде научного доклада стало результатом ее многолетних и интенсивных исследований.

Доклад состоит — за вычетом таких жанрово-обусловленных элементов, как «Актуальность исследования» (с. 3—4), «Цель и задачи исследования» (с. 4), «Научная новизна» (с. 4—5), «Методика и источники исследования» (с. 5—6), «Теоретическое и практическое значение» (с. 6), «Апробация работы» (с. 6—7), «Структура научного доклада» (с. 7) и «Список опубликованных работ...» (с. 97—99) — из «Введения», двух глав и «Заключения».

Во вводной части доклада (с. 7—10) Ф. С. Баязитова вкратце знакомит с численностью и современной территорией проживания татар-кряшен, с их историей и историей изучения их говоров. Весьма интересны следующие факты: 1) по данным статистического ежегодника 1928 г., численность кряшен составляла на территории Татарстана немногим более 99 тысяч человек (более поздние переписи их не выделяли); 2) из 193 крещено-татарских населенных пунктов современного Татарстана в 103 селениях проживало или исключительно крещено-татарское население, или смешанное с русским; в 37 деревнях — крещено-татарское и татаро-мусульманское население; в 11 населенных пунктах — крещено-татарское, русское, чувашское, удмуртское, марийское, некрещеное татарское население в различных вариациях и пропорциях (с. 8).

Как пишет автор, «Группа крещеных татар формировалась не только за счет христианизированных казанских татар и мишарей, но и за счет нетюркского населения, вошедшего в состав татар в результате ассимиляции» (с. 3). В свете сказанного большой интерес представляет старинное село Ошторма-Юмья,

основанное, по сведениям И. А. Износкова (1882), в XVI веке¹ выходцами из удмуртской деревни Старая Юмья, с удмуртско-кряшенским населением, где в настоящее время обе части — и удмуртская, и крещено-татарская — с детства двуязычны; дети-кряшени школьного возраста учатся, как правило, в удмуртских классах.

Не случайно в говоре кряшен с. Ошторма-Юмья имеются прямые лексические проникновения из удмуртского языка (справедливости ради следует заметить, что они могли быть заимствованы и в результате более поздних длительных контактов) (с. 20): *пучы бэйрэме* 'вербный праздник' (*бэйрэм* 'праздник') < удм. *пучы* 'верба; почка (дерева)'; *кечтун көн* 'поминки' (*көн* 'день') < удм. *кисьтон* 'возлияние; поминки', *кисьтон нунал* 'номинальный день', *кисьтон карон* 'помятие усопших' (у автора ошибочно: 'помянуть умерших'); *бужы*: *бужы чабу* 'святки' < удм. *вожо* 'злые духи, появляющиеся в период летнего (менее злые) и зимнего солнцестояния', *вожодыр* 'святки' (*дыр* 'время'). Знаменательно, что у самих кукморских удмуртов это слово уже вышло из активного употребления и сохранилось преимущественно в связанном виде, например, в топонимии: *порвожо* — место моления древних марийцев (недалеко от дер. Верхний Кузьмесь Кукморского района) (*пор* 'мариец; марийский'). Форма *божо йачкылау* 'святки' причепецких татар восходит, по видимому к северноудмуртскому слову *вожоаськ(ыл)он* 'ряженье (в период святок)'.

Отдельные слова, хотя и тюркские по своему происхождению, получили активность именно в удмуртском фонетическом оформлении и, вероятно, не без удмуртского влияния: *анай* 'мать', *атай* 'папа', *агай* 'тетя' (с. 20). Сюда же можно отнести и *агай* 'дядя', употребительное в прикамском (самостоятельно — с. 18) и пришошминском (в сочетании *жырагай* 'старший брат матери' — с. 19) подговорах.

¹ По крайней мере, оно (Ошторма-Юмья) находит упоминание среди населенных пунктов периода Казанского ханства (Чернышев 1971).

В целом же на основе поразительно-го совпадения бытовой культуры и народного искусства, в частности национальной одежды, крещеных татар с повседневными и праздничными костюмами финно-угров (удмуртов, мордвы, марийцев) и несходства их с аналогичными элементами культуры татар-мусульман естественно возникает предположение, что крещение приняла именно та часть у же татароязычного населения, возникшая в результате языковой ассимиляции преимущественно различных групп финно-угров, но е щ е помнившая свое нетюркское происхождение и пожелавшая с помощью иной, нежели магометанство, религиозно-конфессиональной ориентации подчеркнуть отсутствие исконного родства с татарами-мусульманами.² Однако подобная гипотеза не обсуждается в рецензируемой работе Ф. С. Баязитовой.

В первой главе «Особенности формирования говоров и подговоров крещеных татар» (с. 10—38) дается аналитическое описание каждого из говоров и подговоров татар-кряшен, разбросанных на огромной территории не только Республики Татарстан, но и в отдельных районах Чувашии, Башкортостана и Челябинской области, в сопоставлении друг с другом. Что касается проблем этнического формирования диалектных групп, то Ф. С. Баязитова выдвигает интересные предположения о включении разнородных тюркских (мишарей, ногайцев, чувашей) и нетюркских (марийцев, удмуртов) этнических элементов в состав кряшен. В языковедческом отношении наибольший интерес в этой главе представляет, естественно, то, что автором приведен ряд фонетических, морфологических и лексических явлений, служащих дифференциальными признаками каждого из говоров (подговоров) крещено-татарского диалекта или определенной группы их; причем, автор делает попытки обосновать происхождение

или генетические связи того или иного лингвистического факта.

Самой большой и центральной по значимости является вторая глава «Языковые особенности говоров крещеных татар в системе татарских диалектов» (с. 39—87), посвященная синтетическому описанию говоров крещеных татар, т. е. изучению тех фонетических (с. 39—45), морфологических (с. 45—64) и лексических и этнолингвистических (с. 64—87) особенностей, которые объединяют говоры татар-кряшен в одну структурно-территориальную единицу в противоположность (другим) собственно татарским диалектам. Исследование в этой главе проведено на широком фоне татарской диалектологии и тюркского языкознания.

Большой интерес представляют те лексические этнографизмы — дифференциальные признаки говоров крещеных татар, которые имеют прямые или семантические параллели в удмуртских диалектах. Позволю привести некоторые из них, отнюдь не ставя себе конечной целью выяснить их этимологию или, по крайней мере, направление заимствования: 1) ташкирменский подговор: *жапырак бэйрәме* 'праздник листьев, троицын день' (*жапырак* 'лист', *бэйрәм* 'праздник') (с. 14); ср. удм. *куарвёсь, куарвёсян* 'троица' (*куар* 'лист', *вёсь, вёсян* 'моление'), *куарсур* 'петров день' (*куар* 'лист', *сур* 'пиво'); 2) пакшинский подговор: *буйдымар*, у елабужских кряшен: *мыйтумар, мут'имар, бут'имар, бут'умар, бут'мар*, говоры мишарского диалекта: *бут'мар, пуг'мар, пуг'емар, пуг'ымар* 'женское нагрудное украшение, на которое нашивали в три-четыре ряда монеты' (с. 16, 21, 74); ср. удм. *бутьмар* 'перевязь, будьмар (женское нагрудное украшение)'. Поскольку этот этнографизм имеет параллели и в других тюркских языках (с. 74), то нет никаких сомнений в тюркском источнике этого слова в удмуртском языке; 3) прикамский подговор: *бит жаулыгы* 'полотенце' (с. 17) (*бит* 'лицо', *жаулык* 'платок'); ср. южноудм. *бамкышэт, бауқышэт* 'полотенце' (*бам, бау* 'щека', *кышэт, кышэт* 'платок'); 4) елабужский подговор: *нэнэй* 'мама, мать' (с. 21, 64), ср. удм. *нэнэ(й)* то же; 5) *аргыш* 'глава свадьбы, дружка жениха' (с. 65), 'самый главный, самый уважаемый человек

² Аналогичную мысль о возможном финно-угорском происхождении высказывают ученые и относительно волжско-болгарского племени есгел, единственного отказавшегося принять ислам в X веке (Ос-танина 1995 : 7).

на свадьбе, глава свадьбы (в группах заказанских и чистопольских кряшен) (с. 78); ср. удм. кукм. *аргыш, аргыш пукис'оос* 'пожилая почетная чета на свадьбе'; 6) нагайбакский говор: *оло кән* 'пасха' (с. 65), *оло кән* — соответствует русско-христианскому празднику пасхе, досл. 'великий день'. У восточных славян *Великдень, Вылыгдэнь, Велигдэнь, Валыгдэнь* — первый день пасхи, светлое воскресенье; пасха, пасхальная неделя (с. 84); ср. удм. южн. *быззымнал, буззымнал* и др. 'первый день пасхи; пасха' (*быдзым* 'великий', *-нал* < *нунал* 'день'); 7) *тау иту* 'после званого обеда или вечеринки отблагодарить хозяев, сказать спасибо' — в настоящее время сохранилось преимущественно в народной поэзии крещеных татар, но в говоре подберезинских кряшен возможно и в разговорной речи: *Мекетэ, тау сэна* 'Никита, спасибо тебе'. В текстах, связанных с традиционными обрядами, встречается и в других говорах татарского языка; это слово имеется в чувашском (*тав*), удмуртском, бесермянском (*тау* 'спасибо') (с. 66—67) и марийском (*тау* то же). В удмуртском это слово, вне сомнения, восходит к татарскому источнику; 8) *урсэти, урсэни / урсанай / урсай*, подберезинский говор: *крусат'ту, крусан'ну* — муж и жена, которые исполняют обряд крещения ребенка, ср. рус. *крестный отец, крестная мать; кум, кума* — обращение между собой родителей ребенка и крестных отца и матери. Автор заключает: «Слова эти русские, и проникли они через христианскую религию» (с. 71). Что они появились в языке кряшен в связи с крещением и что слова *кум* и *кума* являются непосредственными заимствованиями из русского языка, не подлежит сомнению; что же касается остальных слов, то дело обстоит несколько иначе. Подберезинские *крусат'ту* и *крусан'ну*, возможно, появились под чувашским влиянием (ср. чув. *атте* 'отец', *анне* 'мать'); слова же типа *урсэти, урсэни* являются композитами, первый член которых восходит к разговорной форме *урыс* 'русский'; следовательно, *урсэти* 'русский отец' и *урсэни* 'русская мать' (ср. аналогичные формы в удмуртском: *зучатай* 'крестный отец' < 'русский отец' и *зучанай* 'крестная мать' < 'русская мать', в ко-

торых *зуч* 'русский'). Уж последние-то весьма рискованно назвать безусловно «русскими», 9) *дэдэ, дэдэй* 'дядя', подберезинские *даду, дейдоу*, миш. *дэдэ* 'дядя', ср.: южноудм. *дадай* то же. Вероятно, имеет тюркское происхождение.

Эти и подобные им сведения окажут несомненную помощь в составлении этимологических словарей языков Волго-Камского региона (в том числе и удмуртского), а также в исследовании языковых и культурных взаимодействий их носителей.

В докладе, несмотря на основательную обработку подаваемого материала, все же имеются отдельные недостатки и недочеты или недомолвки.

1. «По украшениям и одежде елабужская группа кряшен близка к южным удмуртам и бесермянам. Согласно преданиям, кряшены елабужской группы являются отатарившимися удмуртами. Однако в языке их не прослеживаются следы удмуртского субстрата» (с. 21—22). Действительно, весьма сложно найти собственно удмуртский лексический субстрат в говоре кряшен, тем более что наиболее пригодные для «субстрата» удмуртские слова (термины родства, названия деталей одежды и украшений) сами в значительном количестве случаев являются татарскими заимствованиями. Элементы субстрата при желании все же могли бы быть обнаружены, однако они не лежат на поверхности. Например, автор пишет: «Вместо конструкции *кебек тойола* 'кажется' употребляется слово *тия*: *Бу жаулык мийа авыр тийэ* 'Этот платок мне кажется тяжелым'» (с. 21). Конструкция *авыр тийэ* 'кажется тяжелым' (*авыр* 'тяжелый' и *тийэ* 'кажется' < 'касается, притрагивается; попадает (в цель); достается (при дележе)' и др.) представляет собой, на мой взгляд, кальку с типичного удмуртского оборота *секыт йётэ* 'кажется тяжелым', где *секыт* 'тяжелый' и *йётэ* 'кажется' (< 'попадает (в цель); задевает, касается, трогает, притрагивается'). Я привел лишь один случай возможного глубинного влияния удмуртского языка на елабужский говор крещеных татар из того скудного материала, который представлен в докладе. При целенаправленном исследовании диалекта, возможно,

обнаружатся и другие подобные явления.

2. Для многих подговоров татар-кряшен характерно, в отличие от собственно татарских диалектов, отсутствие согласных *f*, *χ* и употребление вместо них *p*, *k* (с. 22, 23, 28, 31 и др.), что справедливо квалифицируется как древняя фонетическая особенность (с. 44). Однако вполне возможно, ее сохранению способствовала поддержка финно-угорского субстрата или соседство финно-угорских языков.

3. Хочется выразить несогласие с положением Ф. С. Баязитовой о наличии желательного наклонения. Не целесообразнее ли рассматривать подобные формы лишь как контекстуальное значение формы 1-го лица настоящего времени, нежели выстраивать на их скудной основе особое наклонение? Ведь не составляет же *praesens historicum* особый вид прошедшего времени, а представляет собой контекстуальное употребление настоящего (же) времени. Аналогия, как мне кажется, достаточно близкая и свидетельствует не в пользу мнения автора.

4. Для многих подговоров крещеных татар характерен гортанный смычный согласный (гамза), выступающий как позиционный вариант определенных фонем и весьма проблематичный по своему происхождению. Я не могу разделить ничем не подтверждаемого мнения Ф. С. Баязитовой о древнем (первичном) характере гортанного смычного [ʔ] в заказанском говоре крещеных татар, впоследствии заимствованного финно-угорскими языками Поволжья, которое высказано, правда, в весьма туманной форме: «Наличие гортанного звука ʔ в заказанском говоре крещеных татар, по-видимому, я в л е н и е о ч е н ь д р е в н е е (выделено мною. — В. К.). Эта фонема [кстати, это не особая фонема, а лишь позиционный или комбинаторный вариант других согласных фонем. — В. К.], возможно, имела место в языке отдельных тюркских племен, а также в языках угро-финских народов Поволжья, с давних времен живших в тесном контакте с тюркскими» (с. 42). Мне трудно судить, в языке каких тюркских племен Поволжья существовал [ʔ] (в работе об этом не сказано), если самые ран-

ние тюркоязычные письменные памятники — болгарские эпитафии — не зафиксировали их. Между тем он наличествует как аллофон в диалектах удмуртского, марийского, эрзянского, отдельных прибалтийско-финских языков, а в некоторых самодийских языках гортанный смычный является действительно самостоятельной фонемой (Н. М. Терешенко отмечает в ненецком даже два гортанных смычных на фонематическом уровне). Что касается утверждения: «В речи старшего поколения отдельных населенных пунктов [Балтасинского района] гортанный смычный ʔ (хамза) может заменить и переднеязычные смычные *d*, *t* перед сонорными *l*, *n*, *m* ...» (с. 42, а также 18), то в нем выражен типичный синтагматический закон употребления гортанного смычного, характерный для всех тех удмуртских диалектов, где он имеется (с одним отличием: эта закономерность в удмуртских диалектах распространяется на все смычные и аффрикаты, с одной стороны, и на все сонорные, звонкие — порою глухие — смычные и аффрикаты, с другой). Следовательно, проблема гортанных смычных не так проста и однозначна, как она подана в работе.

5. «Переднеязычными *ç*, *ш* литературного языка в следующих словах соответствует переднеязычный *t*: *тушы* — литер. *шушы* 'этот', *тушылай* — *шушылай* 'таккой', *тишенә* — *чишенә* 'раздевается', *тишмә* — *чишмә* 'родник'» (с. 12). Хотелось бы уточнить, происходит ли указанная звукомена только в приведенных четырех словах (цитата вроде бы намекает на это) или возможна и в других словах, в которых анлаутные *ç* и *ш* предшествуют звукосочетанию -Vʃ. Если мое подозрение подтверждается, то смею заметить, что нечто подобное, т. е. регрессивная дистантная диссимилиация согласных, имеет место и в некоторых удмуртских диалектах. Однако эти явления могут иметь совершенно не зависимый друг от друга характер.

Высказанные замечания и поставленные вопросы ни в коей мере не снижают высокого научного уровня доклада Ф. С. Баязитовой «Этнолингвистические исследования по говорам крещеных татар», который, кстати, имеет и само-

стоятельную научную ценность; а совокупность ее публикаций на указанную тему является, на мой взгляд, солидным вкладом в тюркологию. Кроме того, они

представляют серьезный интерес и для специалистов в области финно-угорского языкознания.

ЛИТЕРАТУРА

И з н о с к о в И. А. 1882, Два реферата, читанных на IV археологическом съезде в Казани в 1877 году. I. О сохранившихся преданиях по поводу названий русских и инородческих поселений в Казанской и соседних с нею губерниях. II. О личных инородческих именах, Казань.

О с т а н и н а Т. И. 1995, Из истории арских удмуртов (наброски к этно-

генезу южных удмуртов). — Традиционная материальная культура и искусство народов Урала и Поволжья. Межвузовский сборник, 3—17.

Ч е р н ы ш е в Е. И. 1971, Селения Казанского ханства (по писцовым книгам). — Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья, Казань, 286—288.

В. К. КЕЛЬМАКОВ (Ижевск)